

З. В. УДАЛЬЦОВА

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ИТАЛИИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ТОТИЛЫ

Разгромом армии Витигиса и пленением этого остготского короля длительная и тяжелая война между остготами и византийцами отнюдь еще не была закончена. В то время как Юстиниан торжествовал победу, в Италии зрели силы для нового сопротивления натиску империи, и с 541 г. начался второй период византийско-остготской войны, когда эта война превратилась в народную войну против византийских завоевателей. Самую активную роль в борьбе против византийцев начали играть народные массы Италии, вставшие на защиту завоеваний народа, добытых в огне восстаний рабов и колоннов V в. Активное участие в борьбе принимало также остготское крестьянство, массы свободных варваров, поселившихся на землях Италии. Однако руководство движением захватила в свои руки остготская знать. Подобно тому, как Аларих, возглавлявший в начале V в. поход на Рим и борьбу угнетенных масс против рабовладельческой империи, происходил из знатного рода готов, вожди готов Ильдибад, Урайя, Тотила, а впоследствии Тейя, также принадлежали к остготской знати¹.

Центром сопротивления византийским завоевателям стала Северная Италия — области, расположенные за рекой По и заселенные свободными остготскими земледельцами-воинами². Здесь, в городе Тичино (Павии), вскоре после капитуляции Равенны собрались на совет представители уцелевших знатных остготских родов и предложили корону остготских королей племяннику Витигиса — Урайе³.

Они призывали Урайю встать во главе остготов и продолжить борьбу против империи. Хотя сам Урайя, так же как и другие готы, предпочитал «опасности войны состоянию рабства»⁴, однако он отказался принять корону и предложил избрать королем племянника вестготского короля Тэвдиса — Ильдибада, человека мужественного и энергичного⁵. Остготская знать приняла это предложение Урайи в надежде, что король вестготов Тэвдис окажет военную помощь своему родственнику⁶. Ильдибад был провозглашен королем и возглавил борьбу против византийских завоевателей⁷. По словам Иордана, «...готы, живущие за рекой По в Лигурии.

¹ Procopius Caesariensis. De bello Gothico, III, 1, § 39.

² Ibid., II, 30, § 3; Iordanis Romana, § 378; Marcellini comitis Chronicon, a. 540, § 5.

³ Procop., De bello Gothico, II, 30, § 3—5.

⁴ Ibid., § 11.

⁵ Ibid., § 14—15.

⁶ Ibid., § 15—16.

⁷ Ibid., § 17; Iordanis Romana, § 378; Marcellini comitis Chronicon, a. 540, § 5.

ожесточив свои сердца, вновь подняли оружие и, избрав себе королем Хельдебада (Ильдибада), явились противниками войску [императора]»⁸.

Можно высказать предположение, что Урайя отказался от власти прежде всего потому, что он был дискредитирован в глазах большинства остготских воинов своим родством с бывшим королем Витигисом, показавшим свою полную неспособность в борьбе с империей⁹.

Ильдибад же был более приемлем для широких кругов остготских воинов благодаря скромности своего образа жизни. В то время как Урайя был богат и тесно связан с высшей остготской знатью, Ильдибад, даже став королем, «жил бедно, не прикасаясь к государственным деньгам»¹⁰. Однако, по-видимому, Урайя еще сохранял известное число сторонников и даже после избрания Ильдибада продолжал оказывать влияние на политические дела. Во всяком случае Марцеллин комит утверждает, что во главе готов первоначально стояли два вождя: Орайя (Урайя) и Хельдебад (Ильдебад), хотя королем был провозглашен последний¹¹.

Когда готы вновь начали борьбу против империи, они располагали еще совсем незначительными силами, их армия насчитывала не более 1000 воинов. Однако бездействие византийских войск, обусловленное начавшимся разложением армии и распрями среди высших командиров, позволило королю Ильдибаду в сравнительно короткий срок объединить и собрать воедино все отряды готов, рассеянные по Северной Италии¹².

Собрав войска, Ильдибад нанес поражение при Гарбесионе отряду герулов под командованием византийского полководца Виталиана¹³. Эта победа принесла Ильдибаду большую славу, однако не смогла уберечь короля от происков его врагов среди самой остготской знати¹⁴. К сожалению, в источниках сохранилось очень мало сведений о правлении этого остготского короля. Ясно только, что и в этот период продолжалась острая борьба среди остготской знати, вылившаяся в столкновение между Ильдибадом и Урайей и приведшая к убийству последнего. По рассказу Прокопия, это столкновение было связано с соперничеством жен этих готских вождей¹⁵. Но за этой романтической и полубогатой историей, весьма сходной с той, которая рассказывается в саге о Нибелунгах, скрывалось, по-видимому, реальное соперничество различных группировок остготского общества. Расправа Ильдибада с Урайей не прошла ему даром, и в мае 541 года он сам был убит на пиру одним из своих телохранителей, гелидом по имени Велас¹⁶. Можно предположить, что Велас совершил это убийство не только из-за личной ненависти к Ильдибаду, отнявшему у него невесту¹⁷, но и в угоду знатным сторонникам Урайи, требовавшим мести за его гибель.

После убийства Ильдибада королем был провозглашен Эрарих, один из вождей племени ругов, пользовавшийся большим влиянием у своих соплеменников¹⁸.

⁸ Jordanis Romana, § 378.

⁹ Procopius. De bello Gothico, II, 30, § 12—13.

¹⁰ Ibid., III, 1, § 39.

¹¹ Marcellini comitis Chronicon, a. 540, § 5.

¹² Procop., III, 1, § 27.

¹³ Ibid., III, 1, § 34—36; Marcellini comitis Chronicon. a. 540, § 6; Jordanis Romana, § 378.

¹⁴ Procopius. De bello Gothico, III, 1, § 37—49; Marcellini comitis Chronicon, a. 541, § 2; Jordanis Romana, § 378.

¹⁵ Procop., De bello Gothico, III, 1, § 37—42.

¹⁶ Ibid., § 43—49.

¹⁷ Ibid., § 43—46.

¹⁸ Ibid., § 1—4; Jordanis Romana, § 378—379; Marcellini comitis Chronicon, a. 541, § 2.

Избрание королем Эрариха свидетельствует о том, что после поражения, которое потерпели остготы в первый период войны с Византией, в Италии произошло усиление других «варварских» племен, входивших в состав остготского государства. Теперь на первенствующее положение среди «варваров», живших в Италии, претендовали руги, одно из германских племен, родственное готам¹⁹. Руги захватили власть, воспользовавшись смутами среди остготов, вызванными убийством Ильдибада²⁰. Провозглашение королем Эрариха породило серьезное недовольство среди остготов, не желавших уступить своего главенства ругам²¹. В среде «варваров», населявших Италию, с новой силой разгорелась племенная вражда. В результате этой острой внутренней борьбы Эрариху так и не удалось удержать власть, и его кратковременное царствование, длившееся всего около пяти месяцев²², закончилось столь же трагически, как и правление его предшественника.

В гибели Эрариха, помимо племенной розни, немалую роль сыграло и недовольство среди остготов, вызванное его трусливой, компромиссной политикой по отношению к империи. Вместо того чтобы возглавить борьбу против византийских завоевателей, Эрарих вскоре после вступления на престол начал переговоры с императором Юстинианом и отправил посольство в Константинополь для заключения мира на условиях, предложенных византийским императором остготскому королю Витигису в 540 г. и отвергнутых тогда Велизарием. Одновременно Эрарих, подобно королю Теодату, малодушно предложил императору Юстиниану сдачу всей Италии за большое денежное вознаграждение и сан патриция²³. Конечно, подобная политика Эрариха не могла не вызвать возмущения среди готов, и они стали подыскивать нового кандидата на королевский престол.

Тогда впервые на историческую арену выступил племянник короля Ильдибада Тотила (или Бадуила)²⁴, которому впоследствии суждено было сыграть выдающуюся роль в борьбе остготов и народных масс Италии против византийского завоевания.

Первые известия о Тотиле показывают, что он, будучи представителем высшей остготской знати, в начале своей деятельности был непрочь, подобно другим знатым готам, заключить на выгодных для себя условиях соглашение с императором. Командуя остготским гарнизоном в Тарвизе (Тревизе), Тотила, еще во время царствования короля Эрариха, начал тайные переговоры с византийским полководцем Константином о сдаче этого города. За сдачу Тревизы он требовал для себя и своих воинов личной неприкосновенности²⁵. Константин охотно принял эти условия, и был уже назначен день капитуляции, когда к Тотиле прибыли послы от

¹⁹ Procop., III, 2, § 1—3.

²⁰ Ibid., § 4.

²¹ Ibid., § 5—6.

²² Ibid., § 7. Иордан говорит, что Эрарих (у него Эрарий) правил около года (Jordanis Romana, § 379).

²³ Ibid., § 10—18.

²⁴ В источниках, упоминающих о Тотиле, приводится весьма различная транскрипция его имени. Так, например, у Прокопия (De bello Gothico) — *Toutilas*; у Иордана (Romana, § 380) — *Totila qui et Baduila*; в Excerpta Sangallensia (Consularia Italica. MGH, t. IX, p. 701, 704) — *Vadua*; в Liber pontificalis. Vita Vigilii, cap. 7 — *Badua qui Totila nuncupabatur*; у Павла Диакона (Historia Romana, cap. XVI, § 22) — *Baduila qui et Totila*; у епископа Мариа из Авентика (Chronica, a. 547) — *Baduila*; у Иоанна Малалы (Chronographia, p. 486, C) — *Totila*, у Исидора Младшего (Chronica, p. 476, § 399) — *Totila*; у Беды (Chronica, § 522) — *Totila*; в Auctarium Prosperi Havniensis (Extrema — p. 337, § 3) — *Totila*; etc.

²⁵ Procopius. De bello Gothico, III, 2, § 7—9.

готов и предложили ему корону при условии продолжения борьбы с империей²⁶.

По словам Прокопия, готы «... сильно скорбели по власти Ильдигаба, и всю свою надежду на победу они перенесли на Тотилу, его родственника, твердо надеясь, что и у него те же цели и желания, как и у них»²⁷. Вполне возможно, что призвание Тотилы к власти произошло при полном сочувствии большинства рядовых остготских воинов, поддерживавших ранее Ильдигаба и теперь искавших в родственнике убитого короля достойного вождя для продолжения борьбы с империей. Тотила охотно принял почетное предложение, и осенью 541 г. Эрарих был убит готами, составившими против него заговор, а королем был провозглашен Тотила²⁸. В момент своего избрания на остготский престол Тотила не достиг еще 30-летнего возраста²⁹, но он отличался большим умом, храбростью, энергией и, несмотря на свою молодость, пользовался значительным влиянием среди остготов³⁰.

Однако комит Марцеллин в своем труде с горечью замечает, что избрание Тотилы королем остготов произошло на несчастье Италии³¹. Ему вторит и историк готов Иордан, который также рассматривает выдвижение Тотилы как бедствие для всей Италии³². Подобная оценка, вполне понятная в устах сторонника империи комита Марцеллина, может, на первый взгляд, показаться несколько странной у националистически настроенного историка готов Иордана, ибо после Теодориха никто не принес такой славы племени остготов, как Тотила. Отрицательная оценка Тотилы Иорданом объясняется, по-видимому, прежде всего стремлением автора показать свою полную лояльность по отношению к империи, всячески черня ее самого опасного врага; с другой стороны, она, несомненно, была обусловлена, в конечном счете, социальной направленностью политики Тотилы, вызывавшей недовольство не только у сторонников империи, но и у представителей высшей остготской знати, идеологом которой и был Иордан.

В своей борьбе с империей остготская знать стремилась вернуть себе потерянные земли и богатства. Она не желала уступить римским рабовладельцам, возвращавшимся теперь в Италию, свои земельные владения, не хотела терять свою власть и влияние. Но в то же время большая часть остготской знати не желала также идти и на серьезные уступки народным массам. История всей предшествующей борьбы в Италии показывает это. И только страшное поражение, во многом обусловленное предательством самой же остготской знати, а также отсутствием поддержки со стороны народных масс, заставило уцелевших вождей остготов серьезно призадуматься над дальнейшими судьбами своего племени. Сама логика борьбы с рабовладельческой империей, вновь протянувшей свои щупальцы к Италии, вынудила наиболее дальновидных вождей остготов пойти на временный союз с народными массами и использовать в своих интересах широкое народное движение, развернувшееся в Италии.

²⁶ Procopius. De bello Gothico, III, 2, § 11.

²⁷ Ibidem.

²⁸ Ibid., § 18; Iordanis Romana, § 379; Pauli Diaconi Historia Romana, cap. XVI, § 22; Marcellini comitis Chronicon, a. 541, § 2; a. 542, § 2; Liber pontificalis. Vita Vigilii, cap. 7; Excerpta Sangallensia, 701; MGH, Auct. ant., t. IX, p. 334.

²⁹ Procop., III, 9, § 15; Iordanis Romana, § 379

³⁰ Procop., III, 2, § 7.

³¹ Marcellini comitis Chronicon, a. 542, § 2.

³² Iordanis Romana, § 379.

Нельзя, по-видимому, рисовать дело так, что Тотила с первых же шагов своей деятельности и до самого конца своего правления последовательно проводил политику уступок народным массам и привлечения их к борьбе против империи. В начале своего царствования Тотила действовал в этом отношении еще достаточно осторожно и нерешительно, да и в дальнейшем у него было немало отступлений и колебаний, когда он заигрывал с римским сенатом и пытался привлечь на свою сторону римскую аристократию³³. Но в силу обстоятельств, возглавив борьбу с Византией, он, несмотря на отступления и колебания, все же пошел в уступках народным массам значительно дальше, чем все его предшественники. И именно в период его правления был осуществлен ряд экономических и социальных преобразований, направленных на некоторое облегчение положения народных масс Италии.

Изучение этих преобразований в сфере социально-экономической жизни Италии в 40—50-х годах VI века и является предметом данной статьи.

Известия источников о социально-экономической политике Тотилы довольно отрывочны и не всегда достаточно определены. Изучая эти источники, приходится постоянно помнить, что сведения о деятельности остготского правительства, руководимого Тотилой, мы черпаем почти исключительно из сообщений враждебных Тотиле авторов или из законодательных памятников, исходящих из лагеря политических противников этого остготского короля. Голоса самого Тотилы и его приверженцев, их законодательные акты и различные предписания, касающиеся сферы социально-экономических отношений, не дошли до потомства. Победители Тотилы — византийцы стремились полностью уничтожить все с их точки зрения «злоступные» и «незаконные» предписания «нечестивейшего» Тотилы и заставить жителей завоеванной ими Италии забыть о ненавистном для империи остготском короле, осмелившемся апеллировать в своей борьбе с византийским правительством к народным массам. Но сама эта ожесточенная ненависть к Тотиле, пронизывающая византийское законодательство, особенно знаменитую «Прагматическую санкцию» 554 г., где Тотила именуется не иначе как «нечестивейший», «мерзкий» тиран, а все его предписания отменяются и считаются незаконными, уже свидетельствует о том, что социально-экономические преобразования Тотилы заделали самые основы благополучия крупных римских землевладельцев Италии, интересы которых так деятельно защищало византийское правительство.

Большинство авторов, описавших правление Тотилы, резко враждебно по отношению к нему, хотя некоторые из них, как, например, Прокопий, отдают должное личным качествам этого остготского правителя³⁴. Особенно непримиримую позицию по отношению к Тотиле занимают некоторые представители католического духовенства. Так, например, папа Григорий Великий в своих «Диалогах» рисует Тотилу коварным и жестоким «варваром», который ни перед чем не останавливался для достижения своих честолюбивых целей. Григорий Великий резко осуждает Тотилу за притеснения католического духовенства и посягательства на его имущество³⁵. При этом Григорий Великий в своей ненависти к Тотиле идет значительно дальше автора «Жизнеописания римских пап», который более спокойно и объективно описывает правление Тотилы³⁶. «В «Диалогах» Григория Ве-

³³ Procopius. De bello Gothico, III, 6, § 4; 21, § 12—25.

³⁴ Ibid., 5, § 19; 6, § 4; 8, § 1—9; 20, § 25, 30; 21, § 1, 6—11, 17; 36, § 25, 28.

³⁵ Gregorii I papae Dialogi de vita et miraculis patrum Italicorum, ed. U. Moricca. 1924, I, 2; II, 15, 31; III, 11, 13, 18.

³⁶ Liber pontificalis. Vita Vigilii, cap. 7.

ликого, наполненных фантастическими рассказами, прославляющими благочестие, мудрость и стойкость католического духовенства, притесняемого нечестивым «варваром» Тотилой, нашла свое отражение церковная традиция, вынесшая перед лицом истории обвинительный вердикт Тотиле именно за то, что он в своей социально-экономической политике посягнул на владения католической церкви и задел наиболее существенные интересы католического духовенства. Об этом же свидетельствует и то обстоятельство, что «Прагматическая санкция» 554 г., отменявшая все социально-экономические преобразования Тотилы, была издана византийским правительством по настоянию римского папы Вигилия и защищала притязания католической церкви на возврат захваченных в правление Тотилы церковных имуществ³⁷.

Особая ненависть к Тотиле крупных землевладельцев и высшего католического духовенства Италии, нашедшая отражение в источниках VI—VII вв., была обусловлена в первую очередь социально-экономической политикой Тотилы, серьезно ущемлявшей экономические интересы старой римской аристократии и высшего католического духовенства. Этого никогда нельзя забывать, изучая рассказы современников и других авторов, описывавших социально-экономическую деятельность Тотилы. Однако на основании этих порою весьма отрывочных и всегда весьма тенденциозных данных источников все же представляется возможным, при условии изучения всей совокупности их данных и учета их политической направленности, восстановить довольно полную картину широких социально-экономических преобразований, проводимых остготским правительством в период правления Тотилы³⁸.

Изучение данных источников показывает, что в правление этого остготского короля в Италии произошли серьезные сдвиги в социально-экономической жизни населения Апеннинского полуострова.

³⁷ *Pragmatica Sanctio*, cap. 1, 2, 4, 8, 13, 14, 15, 17.

³⁸ В научной литературе существуют различные точки зрения в оценке правления Тотилы. Л. М. Хартманн в своем классическом труде по истории средневековой Италии дает весьма положительную оценку правления Тотилы, с восхищением описывает его героическую борьбу с Восточной Римской империей (L. M. Hartmann. *Geschichte Italiens im Mittelalter*, Bd. I. Gotha, 1897, S. 296 f). Напротив, Э. Штейн (E. Stein. *Histoire du Bas-Empire*, t II. Paris—Bruxelles—Amsterdam, 1950, p. 568—569) считает, что историческая роль Тотилы в целом была отрицательной, ибо его деятельность в течение 10-летней изнурительной войны с Византией привела якобы к опустошению Италии, а его значительные успехи в этой борьбе были эфемерными. Поэтому Э. Штейн полагает, что Тотилу нельзя ставить наравне с наиболее выдающимися деятелями всемирной истории. Но все же, по мнению Штейна, Тотилу можно в некоторых отношениях сравнить с Ганнибалом, не рискуя быть смешным. Во всяком случае Э. Штейн признает, что после Юлия Цезаря и до Ираклия трудно найти государственного человека, который был бы столь прозорлив в экономических и социальных делах, столь смел в выборе средств, столь искусен в их использовании, как Тотила (*ibidem*). Английский историк Бэри не только дает весьма отрицательную оценку правления Тотилы, но стремится принизить и полководческое дарование Тотилы и доказать, что успехи Тотилы были обусловлены во многом несостоятельностью политики имперского правительства в Италии (J. B. Bury. *History of the Later Roman Empire*, vol. II. London, 1923, p. 268). Бэри восстает против той характеристики моральных качеств Тотилы, которую им дают Прокопий (Procopius. *De bello Gothico*, III, 5, § 19; 6, § 4; 8, § 1-9; 20, § 25; 21, § 1, 6—11, 17; 36, § 25, 28) и автор *Liber pontificalis* (Vita Vigili, cap. 7). Делая акцент на других местах труда Прокопия (Procopius. *De bello Gothico*, III, 6, § 26; 10, § 19—22; 12, § 19; 15, § 14—16; 20, § 24; 26, § 27; 30, § 20) и на легендарной церковной традиции, нашедшей отражение в диалогах папы Григория I (Gregorii I papae *Dialogi*, I, 2; II, 15, 31; III, 11, 18), Бэри рисует Тотилу коварным и жестоким варваром, свирепость которого не знала пределов (J. B. Bury. *History of the Later Roman Empire*, vol. II, p. 269).

Прежде всего следует остановиться на изменениях в сфере землевладения.

Данные источников позволяют установить, что основным направлением аграрной политики правительства Тотилы было решительное наступление на старое римское латифундиальное землевладение. Пройдя с оружием в руках всю Италию с севера на юг, Тотила и его приверженцы повсюду весьма решительно проводили экспроприацию еще сохранявшихся крупных римских латифундий.

Об этом со всей определенностью говорят статьи «Прагматической санкции» 554 года. Согласно данным, содержащимся в этом законодательном памятнике, в Италии в период правления «тирана» Тотилы у многих крупных римских землевладельцев остготским правительством были конфискованы земли, стада скота и другое имущество. Эти конфискованные земли передавались в виде пожалований сторонникам Тотилы³⁹.

«Прагматическая санкция» императора Юстиниана категорически аннулировала все пожалования «нечестивого» тирана Тотилы.

Отмена византийским правительством всех преобразований Тотилы как в области социально-экономической, так и в области политической является убедительным свидетельством «антиримской» и социальной направленности этих мероприятий, вызывавших ненависть завоевателей. Весьма симптоматично, что в противовес этим «незаконным» действиям Тотилы «Прагматическая санкция» признавала действительными и вполне законными социально-экономические мероприятия проримски настроенных остготских правителей, таких, как Амалазунта, ее сын Аталарих и даже король Теодат⁴⁰. Это касалось в первую очередь земельных пожалований. Совершенно очевидно, что византийское правительство признавало законными земельные пожалования «римлянам» со стороны Амалазунты, Аталариха и Теодата именно потому, что эти пожалования делались преимущественно тем лицам, которые были так или иначе связаны с Восточной Римской империей. Ярким примером этого служит упоминание в той же «Прагматической санкции» земельных пожалований, дарованных королем Теодатом римским сенаторам Максиму и Либерию из владений императора Маркиана⁴¹. Как известно, эти сенаторы, служа остготскому правительству, сохраняли преданность империи, которую доказали своей активной деятельностью в пользу укрепления власти византийского правительства в Италии.

Земельные пожалования Тотилы признавались незаконными и противопоставлялись пожалованиям тех остготских королей, которые были сторонниками сближения остготов с римской аристократией, именно потому, что пожалования Тотилы даровались в первую очередь и почти исключительно противникам империи. Земли же, необходимые для этих пожалований, Тотила отбирал у крупных римских собственников и знатных эмигрантов, которые после победы византийцев настойчиво требовали возврата своих имений и нашли в этом отношении полную поддержку у византийского правительства⁴².

Таким образом, для определения социальной направленности аграрной политики Тотилы первостепенное значение имеет сам факт конфискации Тотилой земель у крупных римских землевладельцев из числа старой аристократии, поддерживавшей в Италии Восточную Римскую империю.

³⁹ Pragmatica Sanctio, cap. 1, 2, 3.

⁴⁰ Едва ли случайно умолчание „Прагматической санкции“ о короле Витигисе, который, по-видимому, также причислялся к „тиранам“.

⁴¹ Pragmatica Sanctio, cap. 1.

⁴² Ibid., cap. 1, 2, 3, 8 etc.

Но не менее важно и определение тех социальных групп населения Италии, которым раздавались земли новым остготским правителем.

Для ответа на этот сложный вопрос мы располагаем некоторыми данными, содержащимися в той же «Прагматической санкции» 554 г. и у Прокопия. Прежде всего не подлежит сомнению, что при раздаче захваченных у римской знати земель Тотила, конечно, не забывал оделить своих ближайших помощников из остготской знати, приближенных к нему воинов и дружинников⁴³. Вместе с тем в «Прагматической санкции» имеется важное указание на то, что Тотила раздавал земли и другое имущество своим сторонникам не только из числа остготов и других «варваров», живших в Италии, но и из числа римлян⁴⁴. С этими данными «Прагматической санкции» следует сопоставить сообщение Прокопия о том, что Тотила в своей внутренней политике всячески благоприятствовал мелким и средним итальянским землевладельцам⁴⁵.

Вполне закономерным поэтому будет предположение, что Тотила, отбирая земли у знатных римских эмигрантов и других сторонников империи, передавал их не только своим приближенным из остготской знати (что он делал, конечно, в первую очередь), но и рядовым остготским воинам и сражавшимся в его армии итальянским земледельцам. Именно благодаря этому в первую очередь он и обеспечил себе поддержку широких масс населения полуострова.

Таким образом, мы располагаем некоторыми данными о том, что остготское правительство Тотилы своими земельными раздачами способствовало перемещению земельной собственности крупных римских землевладельцев в руки остготской военной знати и части остготских и итальянских земледельцев.

Однако в большинстве случаев остготское правительство, по-видимому, не само раздавало крестьянам землю, а лишь санкционировало и признавало законными захваты земли у знатных римлян, произведенные непосредственно самими остготскими и итальянскими земледельцами в период обострения классово-войсковой борьбы в Италии в 40—50-х годах VI века.

Об этом имеются вполне ясные указания источников. Так, «Прагматическая санкция», сообщая о том, что в правление Тотилы в Италии происходили захваты земли, стад скота и другого имущества у бежавших из этой провинции знатных эмигрантов или у взятых остготами в плен знатных римлян — сторонников империи⁴⁶, специально отмечает, что эти захваты производились или самими лицами, владевшими впоследствии этой землей, или через посредство зависимых от них людей⁴⁷. Из этого можно заключить, что захват земельных владений, стад скота и другого имущества у крупных римских собственников, эмигрировавших из Италии или взятых в плен остготами, производился как остготской знатью, через посредство зависимых от нее людей, так, по-видимому, и непосредственно самими мелкими земледельцами Италии.

«Прагматическая санкция» предписывает возвращать захваченное имущество прежним владельцам или их наследникам. Очень важным является и то, что согласно предписаниям «Прагматической санкции» возврату прежним хозяевам подлежит именно то движимое, недвижимое и «самодви-

⁴³ Pragmatica Sanctio, cap. 5.

⁴⁴ Ibid., cap. 2.

⁴⁵ Procopius, De bello Gothico, III, 13, § 1

⁴⁶ Pragmatica Sanctio, cap. 4; ср. cap. 8.

⁴⁷ Ibid., cap. 4.

жущееся» (*res moventes* — рабы и скот) имущество, которым владели римляне «со времен Теодориха и до прихода нечестивейшего Тотилы»⁴⁸.

Приход к власти Тотилы — это та грань, тот рубеж, с которого начинается коренная ломка имущественных отношений предшествующего времени. Именно с этого момента, по данным «Прагматической санкции», крупные римские землевладельцы начинают терять свои земли, своих рабов, скот и другое имущество, которым они владели лично или через узуфруктуариев и колонов⁴⁹. После победы византийцев реставрации подлжит именно это, потерянное ими в правление Тотилы имущество.

Согласно данным «Прагматической санкции», во время правления Тотилы происходил также захват вилл и домов крупных земельных собственников — сторонников империи⁵⁰. Хозяева этих вилл или погибли, или эмигрировали на Восток, или, наконец, были взяты в плен. Их виллы громили остготские войска, восставшие италийские и остготские крестьяне, освободившиеся колонны и рабы.

Разрушенные и заброшенные дома и виллы римской знати «растаскивались» окрестными жителями, скорее всего мелкими земледельцами, которые использовали их как строительный материал⁵¹. «Прагматическая санкция» предписывает возвращать похищенное прежним владельцам или, в случае, если эти материалы были уже использованы при постройке других домов, — возмещать убытки старым хозяевам⁵².

Кроме того, в «Прагматической санкции» имеется особое постановление о возврате прежним собственникам стад скота, захваченных у них войсками Тотилы⁵³. Следовательно, при этом остготском короле происходило перераспределение собственности не только на землю и другое недвижимое имущество, но и на стада скота. В горных скотоводческих районах страны остготские войска и присоединившиеся к ним восставшие местные крестьяне, колонны и рабы не только громили виллы и дома римской знати, но и угоняли и захватывали их скот.

В той же «Прагматической санкции» содержатся и другие интересные данные об обострении классовой борьбы в Италии во второй период войны остготов с Византией.

Так, в этом памятнике прямо говорится о различных «беспорядках», связанных с «вражескими нашествиями» как в самом городе Риме, так и в других местах Италии⁵⁴. Очень важно, что, по данным «Прагматической санкции», во время этих «беспорядков и народных волнений погибло или намеренно было уничтожено много документов, подтверждающих права собственности или права владения каким-либо имуществом, принадлежавшим римской знати»⁵⁵. Одновременно было уничтожено немало долговых обязательств и других документов, удостоверяющих различные кредитные сделки, заключенные со знатными римлянами до прихода к власти Тотилы⁵⁶.

Вряд ли можно сомневаться в том, что помимо случайной гибели документов, всегда возможной во время войн и социальных потрясений, значительную роль в этих событиях сыграло и преднамеренное уничтожение

⁴⁸ *Pragmatica Sanctio*, cap. 8.

⁴⁹ *Ibidem*.

⁵⁰ *Ibid.*, cap. 21.

⁵¹ *Ibidem*.

⁵² *Ibidem*.

⁵³ *Ibid.*, cap. 13.

⁵⁴ *Ibid.*, cap. 3.

⁵⁵ *Ibidem*.

⁵⁶ *Ibid.*, cap. 3.

бедняками своих долговых обязательств или таких документов, которые подтверждали переход их имущества в руки знати. Поэтому вполне понятно, что византийское правительство, реставрируя в Италии старое римское землевладение, строго предписывало возвращать прежним владельцам захваченные у них земли даже в том случае, если были утрачены документы, подтверждающие их права на эти владения.⁵⁷

Особое внимание византийского законодательства к этому вопросу является явным свидетельством того, каких значительных масштабов достигло в Италии в период правления Тотилы уничтожение документов, подтверждающих права старых римских собственников на земельные и иные владения или закрепляющих различные тягостные для населения сделки. Одновременно это указывает на реальную замену старых собственников из римской знати новыми, из числа сторонников Тотилы, причем стихийное уничтожение этих документов и долговых обязательств указывает на участие народных масс Италии, в первую очередь остготских и италийских земледельцев и городской бедноты Рима и других городов, в разделе земель крупных римских собственников.

Существенные перемены в распределении собственности, в том числе и земельной, происходили в период правления Тотилы не только путем конфискации или насильственного захвата земель знатных римлян, но также и путем законных, оформленных документами сделок купли-продажи, дарения, завещания и т. п.⁵⁸ «Прагматическая санкция» дает возможность установить, в каком направлении шло это перераспределение земельной собственности, происходившее на основе подобных сделок.

Контрагентами в этих сделках выступали, с одной стороны, лица, имевшие «власть» в Италии в правление Тотилы, т. е. лица, занимавшие государственные и административные должности в остготском государстве, приближенные короля, пользовавшиеся его особыми милостями; с другой стороны, — римские крупные землевладельцы, интересы которых защищало византийское законодательство⁵⁹. «Прагматическая санкция» считает все эти сделки незаконными, поскольку, с точки зрения византийского правительства, они были заключены «римлянами» из страха перед этими влиятельными лицами, отменяет их и предписывает возвращать собственность прежним владельцам при условии уплаты покупной цены⁶⁰.

Это постановление «Прагматической санкции» представляет особый интерес для определения социального статуса новых владельцев, приобретавших земли и другое имущество под эгидой и при прямом содействии остготского короля. Оно подтверждает нашу мысль о том, что при Тотиле обогащалась в первую очередь все же остготская знать, приближенные короля, чиновники военной и гражданской администрации, что, конечно, отнюдь не исключает того, что часть земель переходила в руки средних и мелких земледельцев.

«Прагматическая санкция» упоминает и о том, что знатные римские эмигранты, сенаторы и патриции, покидая пределы Италии и опасаясь за свое имущество и свои земли, временно передавали свои владения другим лицам (возможно, своим клиентам) и просили сохранить это имущество до их возвращения. Византийское правительство предписывало и это имущество, «удерживаемое по просьбе», возвращать прежним владельцам⁶¹.

⁵⁷ Pragmatica Sanctio, cap. 5.

⁵⁸ Ibidem.

⁵⁹ Ibidem.

⁶⁰ Ibidem.

⁶¹ Ibid., cap. 4.

Для характеристики политики правительства Тотилы в области имущественных отношений имеет большое значение еще одно постановление «Прагматической санкции», согласно которому восстанавливались в полной силе все соглашения и договоры, заключенные до прихода «проклятой памяти» Тотилы частными лицами с государственной казной относительно обмена имущества. Видимо, эти сделки были выгодными фиску и весьма обременительными для населения Италии. Поэтому правительство Тотилы, проводя политику привлечения на свою сторону широких масс населения, отменило эти тягостные для народных масс Италии соглашения с фиском. Византийское правительство после своей победы в Италии вновь восстановило эти сделки, за исключением — и это весьма симптоматично — только тех, которые задевали интересы крупных собственников⁶².

В правление Тотилы значительно осложнились взаимоотношения нового остготского правительства и с католической церковью. И здесь основной обострения этих отношений явилась борьба за перераспределение земельных владений церкви, развернувшаяся в это время в Италии.

Об этой борьбе глухо упоминает «Прагматическая санкция». В ней сообщается о том, что католическая церковь, в лице папы Вигилия, обратилась к византийскому правительству с просьбой о принятии мер по устройству завоеванной Италии и по искоренению последствий правления «тирана» Тотилы⁶³. Весьма характерно, что католическая церковь просила прежде всего восстановить все земельные пожалования остготских королей от Теодориха до Теодата и византийских императоров, сделанные в пользу римлян, в том числе, конечно, и в пользу самой католической церкви, и возвратить все земли, захваченные в правление Тотилы у прежних владельцев⁶⁴. Нет сомнения, что римский престол настаивал на возврате в первую очередь тех земель, которые были захвачены в правление «тирана» Тотилы у католической церкви и католического духовенства.

В «Прагматической санкции» есть и другое, правда, косвенное, но все же важное указание на борьбу, развернувшуюся в правление Тотилы вокруг земельных владений католической церкви. «Прагматическая санкция» сообщает о падении авторитета католической церкви во время царствования Тотилы, которое нашло свое выражение, в частности, в том, что некоторые монахи покидали монастыри и вступали в брак; светские лица женились на них и захватывали их имущество, в том числе, конечно, и земли, записанные за монастырем или церковью⁶⁵. Естественно, что «Прагматическая санкция» предписывает захваченное таким путем имущество возвращать церквам и монастырям.

Ненависть католической церкви к Тотиле, столь ярко проявившаяся в легендарных рассказах папы Григория I о коварных кознях этого «тирана» по отношению к католическому духовенству, также, бесспорно, объяснялась главным образом тем, что Тотила в своей внутренней политике серьезно ущемлял интересы католической церкви, открыто помогавшей врагам Тотилы — имперским войскам. В этом отношении весьма характерны жалобы папы Григория I на грабежи и насилия, которые творили воины Тотилы по отношению к католическому духовенству⁶⁶.

⁶² Pragmatica Sanctio, cap. 24.

⁶³ Ibid., cap. 1.

⁶⁴ Ibidem.

⁶⁵ Ibid., cap. 17.

⁶⁶ Gregorii I papae Dialogi de vita et miraculis patrum Italicorum, I, 2; II, 14, 15, 31; III, 1, 5, 6, 11, 12, 13, 18. В одном из своих „Диалогов“ Григорий I рассказывает о том, что в провинции Самний остготские войска ограбили настоятеля Фунденского монастыря Либертина, напав на него в то время, когда он объезжал

Итак, несмотря на скудость данных источников, мы все же можем с большой вероятностью предположить, что в правление Тотилы остготы (как остготская знать, так и рядовые остготские воины), а также восставшие народные массы Италии отбирали земли и другое имущество не только у крупных римских землевладельцев, но и у высшего католического духовенства и монастырей.

Таким образом, подводя некоторые итоги этой части нашего исследования, мы можем прийти к заключению, что во время правления Тотилы, в период подъема классово-войсковой борьбы в Италии, в стране происходило в значительных масштабах перемещение земельной собственности. В результате этих изменений был нанесен еще один серьезный удар крупному римскому землевладению латифундиального типа и значительно увеличился удельный вес мелкого свободного землевладения. При этом чрезвычайно важно, что Тотила явно благоприятствовал подъему мелкого свободного землевладения в Италии и в своей социально-экономической политике серьезно считался с интересами остготского и итальянского крестьянства. Об этом прямо говорит Прокопий. «Земледельцам по всей Италии, — пишет византийский историк, — он не делал ничего неприятного. Он разрешил им на все времена без страха возделывать землю там, где они привыкли, уплачивая ему те подати, которые они прежде вносили в казну и владельцам земли»⁶⁷. Весьма важно прямое указание Прокопия на то, что остготское правительство Тотилы отменило все взносы в пользу крупных землевладельцев и византийского правительства, заменив их уплатой определенных, точно установленных податей в пользу остготского государства. Об этом же несомненно сообщает Прокопий и при описании завоевания Тотилой южной Италии: «Он (Тотила. — Э. У.) подчинил себе бруттиев, луканов, захватил Апулию и Калабрию; государственные налоги он взыскивал в свою пользу, владельцам этих мест он велел вносить деньги за доходы с земли и устанавливал и все остальное, как будто бы являясь владыкой Италии»⁶⁸.

Таким образом, остготское правительство лишило доходов не только имперский фиск, взимая налоги в свою пользу, но и римских латифундариюв, которые теперь по существу теряли возможность эксплуатации зависимого от них населения. Предписания «Прагматической санкции», направленные на искоренение всех нововведений правительства Тотилы в сфере податного обложения⁶⁹, полностью подтверждают эти сообщения Прокопия. Согласно данным «Прагматической санкции», византийское правительство строжайшим образом предписывало не только отменить все нововведения Тотилы в области сбора налогов, но и восстановить полностью налоги Римской империи и все налоговые привилегии крупных римских земельных собственников, дарованные им имперским правительством до прихода к власти Тотилы⁷⁰.

Строгое предписание «Прагматической санкции» об уплате населением всех старых налогов римского государства, направленное против нововведений Тотилы, является важным свидетельством того, что какая-то часть этих старых римских налогов была отменена в правление Тотилы, иначе не потребовалось бы издание особого предписания об их полном восста-

округу и собирал с населения поборы в пользу этого монастыря (ibid., I, 2). В других „Диалогах“ тот же папа сообщает о жестокой расправе Тотилы над высшим католическим духовенством Италии, особенно над теми епископами, которые оказывали помощь византийцам (ibid., I, 31; III, 11—13, 18).

⁶⁷ Procopius. De bello Gothico, III, 13, § 1.

⁶⁸ Ibid., III, 6, § 5.

⁶⁹ Pragmatica Sanctio, cap. 9, 10, 12, 14.

⁷⁰ Ibid., cap. 10.

новлении. Таким образом, эти сведения, содержащиеся в «Прагматической санкции», подтверждают данные Прокопия о некотором облегчении налогового гнета в правление Тотилы.

Вместе с тем византийское правительство, охраняя интересы крупных римских землевладельцев, уничтожило и те нововведения Тотилы, которые предусматривали обложение налогами крупных земельных собственников из римской знати и лишали их тех льгот, которыми они пользовались по милости имперского правительства, а также правительства Теодориха и его ближайших преемников⁷¹.

«Прагматическая санкция» предусматривала восстановление тех «милостей» по уплате налогов, которыми пользовалась римская знать до прихода к власти «тирана» Тотилы⁷². Это предписание «Прагматической санкции» имело целью восстановление налоговых привилегий крупных римских земельных собственников, которые были отменены или нарушались в правление Тотилы.

Византийское правительство идет еще дальше и требует возмещения ущерба, причиненного владельцам земли налоговыми сборщиками остготского правительства в течение царствования Тотилы⁷³. Исходя из общей политической и социальной направленности «Прагматической санкции», защищавшей интересы римской знати и католического духовенства, вряд ли приходится сомневаться в том, что и в данном предписании имперского законодательства речь идет прежде всего о возврате налогов, «незаконно» взысканных правительством Тотилы с крупных земельных собственников Италии. Эти данные византийского законодательства опять-таки вполне согласуются с приведенными выше свидетельствами Прокопия.

Кроме того, византийское правительство даровало епископам и приматам областей Италии право избрания из числа «достойных» граждан этих областей провинциальных судей, в ведении которых находилось также и распределение государственных налогов⁷⁴. Тем самым правительство Юстиниана фактически отдавало в руки римской земельной аристократии и высшего католического духовенства распределение налогов в провинциях и наблюдение за их сбором. Само собою разумеется, что при таком положении вещей католическая церковь и крупные римские землевладельцы после византийского завоевания вновь восстановили отобранное у них «тираном» Тотилой «право» сбора налогов с подвластного населения их имений. Другими словами, византийским правительством было ликвидировано чрезвычайно важное мероприятие Тотилы, заменявшее для сельского населения Италии уплату различных взносов земельным собственникам внесением точно фиксированных налогов остготскому правительству⁷⁵.

Итак, исходя из всех этих данных источников, мы можем прийти к заключению, что в правление Тотилы были начаты и, по-видимому, проведены в жизнь важные преобразования в области налогового обложения. Эти преобразования в основном сводились к некоторому облегчению налогового бремени для широких слоев остготских и итальянских земледельцев, а также к переложению части налогов на крупных римских земельных собственников и к ограничению их прав на сбор налогов и различных платежей с подвластного им населения.

Все эти мероприятия являлись, несомненно, выражением общей политики правительства Тотилы, направленной к ущемлению крупного римского

⁷¹ Pragmatica Sanctio, cap. 10.

⁷² Ibidem.

⁷³ Ibid., cap. 12.

⁷⁴ Ibidem.

⁷⁵ Procopius. De bello Gothico, III, 6, § 5; 13, § 1.

латифундиального землевладения и к укреплению мелкой свободной земельной собственности.

Однако наиболее ярко социальная направленность внутренней политики Тотилы сказалась в мероприятиях остготского правительства по облегчению положения зависимого и порабощенного населения Италии — рабов и колонов.

Меры остготского правительства по экспроприации крупных римских латифундий и укреплению свободной крестьянской собственности сочетались с массовым отпуском рабов на волю и уничтожением зависимости колонов от крупных римских землевладельцев. Освободившиеся рабы и колоны включались в армию остготов и сражались против византийского правительства.

Об отпуске на волю рабов и освобождении колонов в правление Тотилы имеются важные данные как в законодательных, так и нарративных источниках того времени. Среди них особенно ценными являются сведения, содержащиеся в труде Прокопия. Прокопий прямо говорит о том, что в войсках Тотилы, наряду с остготскими и италийскими свободными земледельцами, сражались освобожденные рабы и колоны. Так, например, по рассказу Прокопия, во время переговоров Тотилы с дьяконом Пелагием о сдаче Рима готам одним из важнейших условий, выдвигаемых Тотилой, было условие о том, чтобы римляне не просили о возвращении беглых рабов, служивших в армии Тотилы, их бывшим владельцам. В речи, якобы произнесенной во время этих переговоров, Тотила, обращаясь к Пелагию, говорил: «Я предупреждаю, чтобы ты не ходатайствовал ни за кого из сицилийцев⁷⁶, не говорил ни о римских укреплениях, ни о рабах, перешедших на нашу сторону. Для готов невозможно ни оказать пощаду кому-либо из сицилийцев, ни разрешить остаться этим стенам, ни позволить, чтобы рабы, которые воевали в наших рядах, стали снова рабами своих прежних господ»⁷⁷. Свою речь Тотила заканчивал следующими словами: «Что же касается рабов, перешедших на нашу сторону, то о них скажу я одно: если бы тех, которые стали в один ряд с нами против врагов и получили от нас обещание, что они никогда не будут возвращены своим прежним господам, мы решили теперь вернуть вам, то и с вашей стороны мы не будем иметь доверия. Невозможно и недопустимо, чтобы тот, кто нарушил свое слово в отношении лиц самого несчастного положения, мог обнаружить твердость своих убеждений в отношении кого-либо другого, но со стороны всех, с кем ему придется сталкиваться, он будет всегда чувствовать на себе их недоверие (за свое предательство), являющееся характерным признаком его природы»⁷⁸.

Приведенное выше место из «Истории войн с готами» — важнейшее свидетельство активного участия рабов в борьбе против византийцев в Италии в составе армии Тотилы, убедительно подтверждающее наличие союза между восставшими рабами, колонами и «варварами».

О социальном составе армии Тотилы имеются данные еще и в другом месте труда Прокопия. Опять-таки в одной из речей, обращенной к армии после занятия Рима, Тотила, вождь готов, якобы говорил: «... или вы думаете, что Велизарий так уж прославился благодаря своей победе над вами, которые, прежде его военнопленные и беглые рабы, под моим лишь водительством сами подняли против него оружие и смогли на войне не раз нанести ему поражение»⁷⁹.

⁷⁶ Речь идет о сицилийцах, помогавших Велизарю в захвате острова.

⁷⁷ Procopius. De bello Gothico, III, 16, § 14—15.

⁷⁸ Ibid., III, 16, § 25—26.

⁷⁹ Ibid., III, 25, § 16.

Конечно, приведенный выше отрывок речи, вложенный Прокопием в уста Тотилы, вовсе не означает, что Тотила произносил что-либо подобное, а является лишь литературным приемом, который Прокопий, подражая Фукидиду, часто использует в своих трудах. Зато эта речь прекрасно определяет точку зрения историка и указывает на его осведомленность о том, что в армии Тотилы были беглые рабы и военнопленные.

В другой речи, приписываемой Прокопием византийскому полководцу Нарзесу, Прокопий прямо называет воинов армии Тотилы «беглыми рабами» императора⁸⁰, людьми, которые, «стараясь стряхнуть с себя узду законов, стремятся к государственным переворотам и, не думая, что они могут что-либо из того, чем владеют, передать своим наследникам, но хорошо зная, что все погибнет вместе с ними, живут надеждами только на сегодняшний день»⁸¹.

Данные других источников подтверждают сообщения Прокопия об освобождении рабов в правление Тотилы и дополняют их известиями о том, что в это время происходило также освобождение колонов от их зависимости от крупных римских землевладельцев.

Не случайно же «Прагматическая санкция» строжайшим образом предписывает возвращать прежним хозяевам — римлянам все потерянное ими недвижимое, движимое и «самодвижущееся» имущество, в том числе и рабов, которыми они владели «со времен Теодориха и до прихода нечестивейшего Тотилы»⁸². Больше того, «Прагматическая санкция» твердо и нерушимо закрепляет на будущие времена за прежними владельцами возвращенное им имущество, включая, конечно, и рабов⁸³.

В другом постановлении «Прагматической санкции» рассказывается о том, что «в нечестивейшее время свирепости готов» нередко были случаи, когда рабы (*servi*) женились на свободных женщинах или свободные мужчины вступали в брак с рабынями (*ancillae*)⁸⁴. Видимо, в правление Тотилы смешанные браки рабов и свободных считались законными. Скорее всего эти «смешанные» браки разрешались именно потому, что рабы, заключавшие подобные союзы, фактически к тому времени уже приобрели права свободных людей благодаря отпуску на волю или «самовольному» освобождению. Византийское же законодательство, предписывая возврат рабов прежним хозяевам, вследствие этого санкционирует расторжение смешанных браков, предоставляя свободным лицам право ухода⁸⁵. При этом рабыня или раб, вступившие в брак со свободными, вновь возвращаются во власть своих прежних господ, ибо, как мотивирует подобное решение византийское законодательство, «господин не должен терпеть никакого ущерба от потери в прошедшее время рабов или рабынь»⁸⁶. В случае же, если свободный мужчина или свободная женщина пожелают и на будущее время сохранить свои брачные отношения с рабыней или рабом, то они сами не теряют свободы, однако дети, родившиеся от этого союза (*conjugio*), так же как и все потомство, рожденное ранее, получают статус (*conditionis*) матери⁸⁷. Если бы в правление Тотилы дети, рожденные от смешанных браков рабов и свободных лиц, не считались также свободными людьми, была бы совершенно излишней особая оговорка «Прагмати-

⁸⁰ Procopius. De bello Gothico, IV, 30, § 2.

⁸¹ Ibid., IV, 30, § 5—6.

⁸² Pragmatica Sanctio, cap. 4, 8, 15, 16.

⁸³ Ibid., cap. 8.

⁸⁴ Ibid., cap. 15.

⁸⁵ Ibidem.

⁸⁶ Ibidem.

⁸⁷ Ibidem.

ческой санкции» о том, что после византийского завоевания дети, рожденные от подобных браков, вновь, как в римские времена и времена Теодориха⁸⁸, наследовали статус матери.

Итак, эта чрезвычайно важная статья «Прагматической санкции» свидетельствует о том, что во время подъема волны народных движений в период, предшествующий византийскому завоеванию в Италии, многие рабы и рабыни покинули имения своих хозяев и вступили в брак со свободными. Ту же картину мы видели и в Северной Африке в период вандальского завоевания и вспышки народных восстаний в этой провинции⁸⁹. Одной из неотложных задач византийского правительства после завоевания Италии был возврат этих освободившихся и вступивших в брак со свободными рабов их прежним хозяевам, крайне нуждавшимся в рабочих руках для обработки возвращаемых им имений. Кроме того, крупные римские землевладельцы были также заинтересованы в возврате не только самих освободившихся рабов, но и их потомства. Поэтому «Прагматическая санкция» повторяла известное положение римского права о том, что дети, рожденные от смешанных браков свободных и рабов, получают статус матери⁹⁰.

Характерно, что «Прагматическая санкция» несколько видоизменяет предписания общеимперского законодательства и устанавливает, что свободный человек мог продолжать брачные отношения с рабыней, сохраняя свою свободу, но сыновья жены-рабыни отходили ее хозяину⁹¹. Это, по-видимому, объясняется тем, что византийское правительство не хотело слишком обострять положение в только что завоеванной провинции и боялось вызвать новую вспышку народного восстания, ибо подобное постановление могло задеть интересы довольно широких слоев населения, учитывая, что смешанные браки были, должно быть, довольно часты в период подъема освободительной борьбы против рабовладельческой империи. Тем не менее права рабовладельца на детей, рожденных от подобных браков, не ущемлялись.

Таким образом, мы видим, что в правление Тотилы происходило освобождение рабов как путем отпуска на волю по предписанию остготского правительства, так и путем бегства рабов, особенно из запустевших имений римской знати⁹².

Однако отнюдь не следует думать, что Тотила и его сторонники стремились полностью отменить рабство в Италии или в какой-то мере помышляли об уничтожении самого института рабовладения.

Отпуск рабов на волю был для остготского правительства Тотилы прежде всего важной политической мерой, направленной на привлечение зависимого населения в качестве союзника в борьбе с империей. Включение освобожденных рабов в остготскую армию имело также целью воспол-

⁸⁸ ETh, § 65—66.

⁸⁹ Jus, III, Nov. VI, XIII.

⁹⁰ Согласно предписаниям римского права, ребенок рабыни является рабом и собственностью господина даже в том случае, если его отец был свободным человеком. (Dig, XLI, 1, 66; Cod. Just., III, 32, 7. Ср. ETh, cap. 65, 68). В законодательных постановлениях самого Юстиниана никакой брак между свободным человеком и рабыней не признавался законным (Nov. Just., XXII, 9, 10).

⁹¹ Pragmatica Sanctio, cap. 15; ср. Novellae Valentiniani, III, a. 451, tit. 30, § 5 — о сохранении свободы лицом, вступившим в связь с рабыней. Согласно эдикту Теодориха, свободный, вступивший в связь с девушкой-рабыней, или остается во власти ее господина, или дает ему в качестве возмещения двух рабов; если же он беден и не может этого сделать, то после наказания палками он делается коллегиатом соседней городской общины (ETh, cap. 64).

⁹² Pragmatica Sanctio, cap. 4, 8, 27; Procopius. De bello Gothico, III, 16, § 14—15, 25—26; IV, 30, § 2.

нение тех огромных потерь, которые понесли остготы в борьбе с византийскими войсками в правление короля Витигиса.

Необходимо особо отметить, что остготским правительством, по-видимому, отпускались на волю в первую очередь рабы, обрабатывавшие земли имперского фиска, и рабы, принадлежавшие открытым врагам правительства Тотилы — римским сенаторам и патрициям, многие из которых уже погибли, были взяты в плен или бежали на восток в поисках прибежища при константинопольском дворе⁹³. Что же касается рабов и колонов, принадлежащих остготской знати, то у нас нет никаких данных о том, что остготское правительство Тотилы отпускало и их в массовом масштабе на волю. Не исключена, конечно, возможность, что при Тотиле освобождались рабы тех представителей остготской и вообще «варварской» знати, которые были враждебно настроены по отношению к правительству Тотилы и являлись сторонниками сближения с Восточной Римской империей. Но вряд ли сам Тотила и поддерживавшая его остготская военная знать в какой-то мере хотели отказаться от принадлежавших им рабов и колонов.

Более того, у нас имеются сведения о том, что во время правления Тотилы, наряду с освобождением рабов, происходила и замена прежних владельцев рабов и колонов новыми⁹⁴. Иными словами, одновременно с перераспределением земельной собственности происходило и перераспределение рабочей силы. Рабы и колоны меняли хозяев, иногда, возможно, добровольно, в поисках лучших условий жизни, но чаще всего переходили к новым владельцам вместе с пожалованными Тотилой землями или же насильственно захватывались новыми господами.

Вполне естественно, что в первую очередь этими новыми собственниками выступали приближенные и сторонники короля Тотилы из остготской военной феодализирующей знати. Вместе с земельными пожалованиями, которые они получали из фонда конфискованных у римской знати земель, эти новые владельцы стремились в какой-то степени закрепить за собой и населявших эти земли рабов и колонов.

Именно исходя из подобного предположения мы можем понять одно из предписаний византийского правительства, включенное в «Прагматическую санкцию». Согласно этому предписанию, после победы над остготами византийское правительство требовало вернуть прежним владельцам всех удерживаемых какими-либо другими лицами рабов и колонов. При этом рабы и колоны возвращались старым хозяевам вместе со всем родившимся за истекшее время потомством⁹⁵.

В этом постановлении византийского правительства привлекает особое внимание то обстоятельство, что в нем говорится о возврате прежним владельцам именно тех рабов и колонов, которые удерживались какими-то другими господами. Видимо, здесь речь идет о возвращении старым владельцам таких зависимых людей, которые лишь переменили хозяев, а не о тех, кто был отпущен на волю или бежал от своих господ. Нередки, должно быть, были такие случаи, когда бывшие рабы римской знати переходили в имения других собственников и жили там на положении колонов или свободных арендаторов. Поэтому возвращавшимся после византийского завоевания старым владельцам, требовавшим теперь обратно своих рабов и

⁹³ Pragmatica Sanctio, cap. 8, 27.

⁹⁴ Ibid., cap. 16.

⁹⁵ Ibidem: Servos etiam vel colonos, quos ab aliquo contigit detineri, suis restitui dominis una cum medii temporis prole iubemus („Рабов же или колонов, которых удалось задержать у себя кому-либо другому, мы приказываем вернуть их господам вместе с родившимся в течение этого времени потомством.“)

колонов. приходилось неизбежно сталкиваться с новыми хозяевами, которые, конечно, всячески сопротивлялись осуществлению этих требований. И несомненно, что для старой римской аристократии, в интересах которой и была издана «Прагматическая санкция», было наиболее трудно вернуть именно тех рабов и колонов, которые в предшествующий период тем или иным путем осели на землях новой, преимущественно остготской или связанной с остготами, италийской феодализирующей знати. Часть этой знати во время византийского завоевания была разгромлена, но другая часть, и по всей вероятности довольно значительная, сохранила свое влияние. Именно в связи с этим и потребовалось издание особого законодательного постановления имперского правительства, восстанавливающего права прежних хозяев.

Что же касается беглых рабов и колонов, освободившихся от власти господ во время правления Тотилы и подъема волны народных восстаний в середине VI в., то на них после византийского завоевания распространялись обычные для римского права крайне суровые законы, предписывающие возврат беглецов их прежним господам, ибо в завоеванной Италии восстанавливались все действующие в империи законы⁹⁶.

Суровость византийского законодательства по отношению к беглым рабам и требования «Прагматической санкции» неуклонно применять эти законы в завоеванной Италии указывают на значительный размах бегства рабов (и колонов) от своих господ в период успешной борьбы остготов и народных масс Италии против правительства Юстиниана.

О наличии значительного числа беглых рабов в армии Тотилы и, следовательно, о большом размахе бегства рабов в то время, как мы видели, сообщает интересные данные Прокопий⁹⁷. Некоторые косвенные указания на бегство рабов из имений римской знати имеются также и в «Прагматической санкции». Прежде всего там рисуется яркая картина запустения имений римской знати, покинутых, видимо, не только их хозяевами, попавшими в плен или бежавшими в Византию, но также оставленных рабами и колонами⁹⁸.

В этой связи следует обратить внимание и на сообщение «Прагматической санкции» о том, что византийское правительство после своей победы даровало особые пожалования городу Риму для его восстановления и, в частности, для восстановления разрушенных государственных мастерских⁹⁹. Это, несомненно, свидетельствует о том, что во время войны остготов с империей, особенно во втором периоде войны, связанном с активным выступлением народных масс, в Риме были разрушены государственные мастерские, работавшие на подневольном, преимущественно рабском труде. Работники из этих мастерских, в том числе и рабы, по-видимому, разбежались. Не исключена возможность, что часть их освободилась и присоединилась к армии Тотилы.

Заканчивая рассмотрение вопроса о социально-экономической политике правительства Тотилы в Италии в 40—50-х годах VI века, мы можем прийти к заключению, что в этот период в Италии происходит серьезная ломка ранее существовавших социально-экономических отношений. Изменения, происшедшие в общественной жизни Италии во время правления Тотилы и подъема классовой борьбы народных масс этой провинции, коснулись прежде всего сферы землевладения и социальных отношений того вре-

⁹⁶ Pragmatica Sanctio, cap. 11.

⁹⁷ Procopius. De bello Gothico, III, 16, § 14—15, 25—26; 25, § 16; IV, 30, § 2.

⁹⁸ Pragmatica Sanctio, cap. 8, 13, 15, 16, 21, 27.

⁹⁹ Ibid., cap. 25.

мени. Под давлением широкого народного движения и с целью мобилизовать все антирабовладельческие и антиримские силы на борьбу с империей правительство остготского короля Тотилы издало ряд постановлений, сведения о которых сохранились в византийском законодательстве и в нарративных источниках, касающихся экспроприации крупного римского землевладения латифундиального типа и расширения землевладения феодализирующейся остготской знати и мелкого свободного землевладения остготских и италийских земледельцев. Одновременно остготское правительство санкционировало отпуск на волю рабов, освобождение от зависимости колонов и зачисление их в остготскую армию. Все эти важнейшие мероприятия остготского правительства являлись скорее всего признанием и оформлением реальных социальных сдвигов, происходивших в стране во второй период войны остготов с империей, ознаменовавшийся подъемом широкого народного движения в Италии. Эта политика обеспечила Тотиле поддержку широких народных масс Италии и обусловила во многом его успехи в борьбе с Восточной Римской империей.
